

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*Published in the Russian Federation
Gardarika

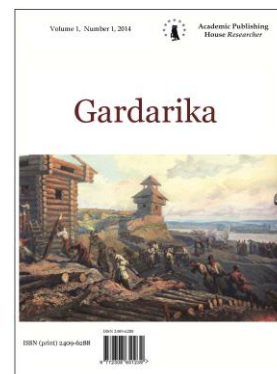
Has been issued since 2014.

ISSN: 2409-6288

E-ISSN: 2413-7456

Vol. 9, Is. 4, pp. 197-213, 2016

DOI: 10.13187/gard.2016.9.197

www.ejournal26.com

UDC 908(477.52):(334.712+334.713)

Domestic Craft Industries of the Dwellers of Miropole, Kursk Governorate, at the Latter Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century

Dmitriy V. Kudinov

Sumy Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Ukraine

5 Rinskogo-Korsakova St., Sumy 40007

Dr (History), Assistant Professor

E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Abstract

Current article is devoted to the research of the backbone of the economy of the zashtatnyi town of Miropole in post-reform period – domestic craft industries, which are the object of the present study. Their importance in the lives of citizens due to the decay in agriculture (caused by the modesty of land resources) and the increase in the activity of consumers from Kursk and Kharkov governorates is emphasized. The peculiarities of the handicraft production dynamics are specified together with the quantitative and qualitative changes in its organization and nature. Particular attention is paid to shoemaking – key type of domestic craft industries. The author stresses the outstanding role of the chairman of Sudzha zemskaya uprava Prince Pavel Dolgorukov in the establishment of craft shoe production and craftsmen healthy lifestyle.

Keywords: domestic craft industry, craftsman, workshop, leather craft, shoe making, pottery, willow weaving.

Введение

Заштатные города Российской империи, как общественная среда, представляли собой особый мир, в котором, как правило, сосуществовали типичные крестьянские хозяйские и гражданские начала вместе с городским устройством жизни, мещанским укладом и административным устройством, характерным для городских поселений. Ввиду малочисленности жителей данного типа поселений отличительной чертой, указывающей на их более высокий в сравнении с селами или слободами статус, нередко выступало наличие производства. В том случае если города не обзаводились промышленными предприятиями, выпуск местной продукции обеспечивался мелкотоварным производителем, что, в свою очередь свидетельствовало о диспропорциях экономического развития России. Вместе с процессами завершения промышленного переворота, ускоренного перехода страны на капиталистический путь развития, роста транспортной инфраструктуры, укрупнением производства и формированием крупной индустрии количественно возрастали и кустарные промыслы. Более того, реорганизовывались или вновь образовывались настоящие ремесленные кластеры, преобразующие экономическое лицо целых регионов. К таким

динамично развивающимся локальным центрам можно отнести и заштатный город Суджанского уезда Курской губернии Мирополье.

Материалы и методы

Основными источниками для исследования указанной темы послужили статистические сведения о количестве кустарей, стоимости их труда, приведенные в ряде экономических исследований и обзоров по состоянию кустарного промысла конца XIX – начала XX вв. [3; 13; 14; 16; 20; 21; 25; 26; 32], в энциклопедических статьях [18; 19], и, наконец, в документах Государственного архива Курской области (Ф. 1. Оп. 1. Д. 4413: Дело по представлению земского начальника Суджанского уезда о пошиве сапог для Киевского военного интендантства артелью сапожников в заштатном городе Мирополье, 1892; Ф. 4. Оп. 1. Д. 144: Статистические сведения о городах Курской губернии) [4; 5].

Кустарные промыслы Мирополя наряду с ремеслами других населенных пунктов Европейской части Российской империи становились предметом исследования не только экономической науки пореформенного периода (в том числе и В. Ленина), но и ряда исторических публикаций. В частности, авторов статьи, посвященной прошлому Мирополя в «Истории городов и сел Украинской ССР: Сумская область» (1980), российского историка-урбаниста А. А. Терещенко, украинского этнолога Н. В. Литвинчук, ее российской коллеги Н. Федотовой и сочинителя данной публикации [9; 10; 11; 12; 17; 28; 29; 30; 34], опиравшихся в своих научных разведках на значительное количество фактических данных, в т. ч. впервые вводимых в научный оборот. Особо следует выделить диссертационную работу российского историка Р. А. Лаптева [15], посвященную становлению и эволюции кожевенно-сапожного производства в Курской губернии. В ней наиболее полно развернута характеристика этапов развития обувной индустрии в регионе, определены ее качественные отличия от промыслов иных областей империи. Вне анализа автора не остались и ремесленные предприятия Мирополя. Однако, несмотря на уделенное внимание указанными исследователями промыслам конкретно Мирополя, они, тем не менее, ими либо не выделялись в особую тему, а становились частью широких по выбранным географическим рамкам (Центральное Черноземье, Курская губерния, Сумщина), либо рассматривались весьма лаконично. Собственно, это обстоятельство и определило цель данного исследования – сформировать комплексное представление о развитии кустарных промыслов Мирополя, об их влиянии на формирование собственно городской среды, а вместе с тем и на социальный состав жителей города.

Обсуждение

Ремесленное производство в Мирополье зародилось вместе с образованием города в середине XVII в. К концу следующего столетия оно представляло собой структурированную цеховую организацию. В 1771 г. тут существовали кузнецкий (18 чел.), портняжный (96 чел.), ткацкий (40 чел.), сапожный (117 чел.) и гончарный (17 чел.) цеха. Помимо 288 мужчин к ним также были приписаны 267 женщин и несколько десятков наемных работников [9, с. 314; 34, л. 19–42]. В целом, количество лиц, занятых ремеслом, не превышало 10% городского населения, тогда как большинство миропольцев проявляли экономическую активность в аграрной сфере (в «Топографическом описании Харьковского наместничества» за 1788 г. указывалось, что «главный промысел города и уезда – хлебопашество») [31, с. 157], да и значительная часть кустарей продолжала трудиться на земле. Подобное положение сохранялось вплоть до конца XIX века, когда стесненные малоземельем жители города не начали массово переходить на кустарные промыслы, полностью теряя связь с землей или сводя ее к минимуму.

О развитии ремесла в Мирополье в пореформенный период можно судить исходя из следующих посылок: 1) динамика роста ремесленного производства, как по числу задействованных в нем, так и по объему вырабатываемой продукции на продажу; 2) изменения в профессиональном составе ремесленников и определение ведущей отраслевой специализации; 3) социальный состав кустарей, их имущественное расслоение; 4) уровень модернизации ремесленного производства; 5) тенденции укрупнения производства и кооперации; 6) изменения в быте и культуре горожан в связи с превращением Мирополя в крупный центр кустарного производства.

Развитие местных промыслов не происходило поступательно. Например, за первую половину XIX века численность ремесленников в Мирополье даже несколько уменьшилась. В начале 1860-х годов в городе насчитывалось 143 мастера. Правда, эта цифра приведена без учета многочисленных миропольских скорняков, упоминаемых «Военно-статистическим описанием Курской губернии» [2, с. 104], а также без кустарей пригородных слобод, поэтому действительное количество ремесленников, многие из которых причислялись к хлебопашцам, исчислялось сотнями, но не превышало показатель 1771 г. Профессиональный состав миропольских кустарей на момент отмены крепостного права распределялся следующим образом: 82 сапожника и башмачника, 18 портных, 15 мясников, 11 кузнецов, 8 столяров, 5 печников, 2 бондаря и 2 трубочиста [19, с. 43; 21, с. 260]. Таким образом, к 1861 г. ни один из кустарных промыслов не стал массовым занятием. Даже наличие отдельных крепких кустарных хозяйств не влияло на положительную для Мирополья статистику. Например, в отчете губернатора И. П. Лужина о развитии ремесел в Курской губернии за 1854 г. оно совершенно не упоминается среди прочих ремесленных центров региона [8, с. 198–199].

Относительно стабильное положение сохраняли группы сапожников и кузнецов, сумевших переориентироваться с местного рынка на отдаленные регионы. В частности, кузнецы, вопреки своей малочисленности, заслужили репутацию хороших мастеров не только в Курской губернии, но и за ее пределами. Покупателями особо ценились крепкие металлические путы миропольских «ковалей», изготовление которых стало их специализацией [23, с. 24]. Однако самым марочным миропольским товаром в середине XIX в. являлись все же сапоги. Сапожное ремесло в этот период окончательно выделяется в профессиональную отрасль, во многом дистанцированную от сельского хозяйства. Обувь крупными партиями сбывалась преимущественно в Полтаву, Кременчуг, Николаев, Харьков, Ростов-на-Дону, Мариуполь, Одессу, а также в города Северного Кавказа [15, с. 26, 57; 19, с. 43; 20, с. 34]. Причиной популярности здесь миропольских сапог, по мнению современников, служило неумение южных кустарей качественно выделывать кожи, тогда как обувь «чеботарей» Курской губернии оказывалась и прочнее и изящнее.

Развитию сапожного ремесла в Мирополье способствовала, в первую очередь, близость украинского рынка: на Надднепрянщине во второй половине XIX века лапти были менее распространены в быту, чем в великороссийских губерниях; с ростом населения естественным образом повышался и спрос на обувь. Внутренним фактором, влиявшим на развитие обувного производства, являлось наличие значительного поголовья скота в Миропольской волости. По данным на начало XX в. в одном только Мирополье ежегодно забивалось до 2850 голов крупного рогатого скота и до 1325 мелкого [5, л. 102]. Кожи не только скупались у местных резчиков, но и везлись из Новороссии, а с развитием железнодорожного сообщения – также из Москвы и Кимр.

К началу пореформенного периода кожевенно-сапожный промысел, по определению В. Ленина, уже сложился в «прочную организацию чисто коммерческого характера» [16, с. 350]. Происходила монополизация производства подрядчиками. «Сбытчиками» выступали торговцы-перекупщики, закупавшие «кожу-сырец» и передававшие ее затем для обработки кустарям. Таким образом, сапожное производство в Мирополье в 1850–1860-е годы было организовано по принципу рассеянной мануфактуры [10, с. 30].

После кратковременного оживления кустарного производства, пришедшегося на 1860-е годы, вновь наступил период его стагнации. Проведение железных дорог не самым лучшим образом повлияло на некоторых промыслах. Удорожание леса, уходившего теперь, главным образом, на «чугунку», заставило многих горшечников отказаться от ремесла и податься в отхожие промыслы. По железным дорогам в Курскую губернию начали прибывать кожи лучшего качества, что привело к усилению конкуренции среди ремесленников и к разорению многих из них. К тому же в 1870-е годы центр сапожного производства переместился на юг, где сконцентрировалось значительное количество рабочих – основных покупателей сапог. Упадок отрасли не лучшим образом отразился и на качестве ее продукции. Подобным образом развитие железнодорожной сети отразилось и на кузнечестве. Отныне Харьков и Полтава – прежние важные рынки сбыта для местных мастеров – получали в массе качественное «английское» и «нижегородское» железо, обзаводились собственными мастерскими и более не нуждались в изделиях курских

кузнецов. В результате, миропольские кустари оказались вынужденными обслуживать исключительно потребителей местного рынка, переселяться в места сбыта своего продукта или осваивать новые занятия. Например, в 1884 г. двое бывших кузнецов миропольской слободы Пенянки устроились работать на один из кирпичных заводов в Харькове, а еще один подался сторожить бахчу местному землевладельцу [26, с. 168, 189–193]. Для многих других «промышленников» разных специальностей выходом из сложного материального положение стало выращивание табака, что до введения акциза на данную техническую культуру и новых правил сбыта в 1882 г. приносило им известную прибыль.

Спад или переориентация экономической активности кустарей вело к регрессу и даже к исчезновению целых отраслей. В результате, по выражению земских обозревателей, в Мирополье к середине 1880-х годов наблюдалось «странное явление» – крупный центр кустарного производства вдруг начал испытывать недостаток в мастерах определенной специализации [26, с. 21]. Спад производства сопровождался оттоком капитала. В 1880-х годах скупщиками сапог оставались лишь мелкие дельцы из числа разбогатевших крестьян с активом в несколько сотен рублей, нередко приобретавших товар в кредит у самих сапожников. В 1900-х годах таковых в Мирополье насчитывалось порядка 20 человек и столько же в Снагости, Юнаковке, Боромле и других ближайших населенных пунктах. Заказы от них на крупные партии продукции практически не поступали [20, с. 34]. Напротив, кузнечное ремесло, прежде независимое от скупщиков, оказалось под их контролем. «Из 28 кузнецов Пенянки, – указывали исследователи кустарных промыслов Курской губернии, – только четверо не были ничего должны двум местным скупщикам; остальные же все понахватили у них кто на 5, кто на 10, а кто и на 80 руб. невыделанного железа». Особая ситуация сложилась в ситном промысле. Тут при существующем разделении труда в качестве скупщиков полотен выступали мастера-обечники [26, с. 193–210].

Во второй половине 1880-х годов в Мирополье спад ремесленного производства сменился подъемом, что было связано с ростом городского населения в Курской губернии, развитием здесь и в ближайших украинских губерниях крупной промышленности, а главное, с увеличением численности рабочих – потребителей кустарного товара. На развитие ремесла также повлиял отказ от выращивания табака, который прежде кормил половину населения. «С падением табачной культуры многие принуждены были покинуть свое родовое гнездо и пойти на косовицу, по плотницкой и каменщицкой части, или же заняться кустарными производствами. Вот почему здесь так увеличилось количество кожевников, гончаров, ситовников и даже гребенщиков», – отмечали курские статистики [26, с. 194]. Еще одним фактором развития кустарного промысла стало освобождение из сельского хозяйства значительного количества рабочих рук. Растущее малоземелье и низкий заработок в аграрной сфере толкало население к новому приложению своих сил. «Кустарные промыслы, – указывалось в «Справочном сборнике Суджанского экономического бюро» за 1900 г., – служат подспорьем для сельского населения и с каждым годом расширяются» [27]. Начиная с 1890-х годов отход сапожников в Новороссию принял временный или сезонный характер. А уже в 1903 г. курский помещик, член местного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности М. Балабанов приводил пример Мирополья в числе «счастливых, но исключительных пунктов, где население, работая круглый год, живет значительно лучше, занимаясь зимой разными промыслами и ремеслами» [15, с. 68; 32, с. 292]. Постепенно из «подспорья» индивидуальное или семейное предприятие превращалось в основной вид хозяйствования. Согласно подсчетам исследователя кустарных промыслов в Курской губернии Н. Пономарева, отхожие промыслы давали местным крестьянам заработок в среднем 40 руб., тогда как ремеслом можно было заработать до 100 руб. [25, с. 317]. В 1880-х годах наибольший процент кустарей, отказавшихся от земледелия, приходился на ситников, годовой заработок которых достигал 130 руб. (у ситника) или 300 руб. (у обечника). Наконец, и в остальных видах промыслов мы наблюдаем упрочение профессионального состава ремесленников, а также массовое вовлечение горожан в кустарные промыслы: в 1864 г. в Мирополье насчитывалось 479 «промышленников», в 1885 г. – 1369, а в 1904 г. – уже около 2300 [5, л. 103; 18, с. 257; 26, с. 37].

В пореформенный период изменился и профильный состав ремесел. По данным на 1904 г. в Мирополье были распространены гребеночный (398 чел.), войлочный (61 чел.),

шапочный (60 чел.), кузнечный (39 чел.), гончарный (81 чел.) и ситный (585 чел) промыслы. В 1910-х годах к уже существующим ремеслам также добавилось вязание рыболовных сетей [5, л. 103; 33, с. 81].

Совершенно новыми в плане товарного характера в пореформенный период для Мирополя были гребеночный, шапочный, войлочный и ситный промыслы. Развитию последнего немало благоприятствовало доступность сырья (конский волос и драпка для обечайки), дешевизна реманента (красенки, поклестик и берда общей стоимостью не больше 1 руб.), легкость в освоении ремесла, наличие собственных («спокон віку») домашних ремесленных традиций. Для большинства ремесел характер производства не претерпевал изменений. На новой технической базе длительное время развивалась лишь пошивка головных уборов – исследователь кустарного производства в России В. Воронцов отмечал, что все миропольские шапошники за первую половину 1880-х годов успели обзавестись швейными машинами [3, с. 200]. В 1884 г. шапочным производством было занято уже более 80 человек, преимущественно мещан. Шили они традиционные крестьянские шапки («фасон изделий никогда не изменяется»), которые делились условно на «дешевые» из поддельного барашка, уходившие покупателю по цене 40–50 коп., или «дорогие» (до 1 руб. 20 коп.). За двадцать лет стоимость продукции уменьшилась до 35–40 коп. средней стоимости изделия, к которому к тому же потребитель стал выносить более строгие требования, что компенсировалось увеличением производительности труда мастеров. О реализации товара шапочники беспокоились сами, развозя их по соседним ярмаркам, поэтому промыслом могли заниматься практически только владельцы лошадей, в чем и заключалась хрупкость данного занятия. Как только шапочник лишался тягла, он, как правило, отказывался и от своего ремесла. Конкретный пример приводился в обзоре промыслов Курской губернии (1885 г.): «Крестьянин Яков Волков был в обучении у мастера Дацека 4 года, потом завел свою мастерскую; но, когда «от Божьей воли» пала у него лошадь он, не будучи в состоянии приобрести другую, бросил и мастерство свое, и дом, и ушел в Донщину, в челядинцы (батраки – Д. К.). А таких Волковых здесь, по общему отзыву крестьян, очень много». От промысла постепенно отказывались и «лошадные» кустари, ввиду сложности сбыта товара, перемещения центров шапочного производства в города вдоль Сумской линии и Курско-Киевской железной дороги, узости местного рынка и, наконец, из-за невозможности прокормить себя за счет одного только ремесла (один мастер мог заработать немногим более 50 руб./год) [26, с. 162–166]. Представленные в 1880-х годах прогнозы о сужении промысла в будущем вполне себя оправдали. Сопоставляя данные 1884 и 1904 годов о числе кустарей, видно, что промысел утратил четверть мастеров. При этом прослеживалась тенденция к их расслоению: состоятельные кустари распределяли работу коллегам, неспособным самостоятельно продать продукцию [20, с. 54].

В 1880-х годах оживился гребеночный промысел, которым по состоянию на 1884 г. был занят 21 чел. Кроме того, пять дворов обзавелись наемными рабочими, чего прежде не было, – свидетельство востребованности продукции кустарей. Хотя для начала производства не требовался значительный начальный капитал (стоимость инструментов составляла 3 руб. 50 коп.), тем не менее, этот промысел также не приносил существенного дохода большинству ремесленников, немного превышая годовую прибыль на одного работника в 50 руб., а в начале 1900-х годов и вовсе опустился до 30 руб./год, когда в промысел втянулись 59 дворов [20, с. 53; 26, с. 193–196].

В куда более сносном положении оказывалось войлочное производство, находящееся в тесной связи с кожевенным промыслом. Кустари-войлочники свой товар продавали не только местным шапочникам, но и сбывали его на сахарные заводы, в крупные города на строительство. Заработок в 120–130 руб. по местным меркам признавался высоким. Однако по причине огромной вредности для здоровья данный вид промысла не обрел большого количества желающих им заниматься [20, с. 55].

Традиционным промыслом Мирополя оставалось гончарство. Глину местные горшечники покупали у монахов соседней с Мирополем Белогорской пустыни по 50 коп. за воз или за «глечик» молока. Краску добывали дарма из камня-«саморода». Поскольку поливой миропольцы изделий не покрывали, потому и стоимость их составляла всего за 1–2 коп. за штуку. Несмотря на дешевизну сырья и значительную выработку (до 3600 горшков в год от каждого работника), гончарство из-за сильной конкуренции и технического

отставания местного производства в 1890-х годах оказалось на грани исчезновения. Однако благодаря энергичным действиям Суджанского земства, направленным на модернизацию отрасли, удалось добиться ее сохранения. Уже в 1901 г. мастера Мирополья и слободы Гончарной (Суджа) произвели посуду на сумму около 2500 руб. Тем не менее, низкие заработки кустарей (в 1880-х годах – 20–36 руб./год), а также рост цены глины и леса не способствовали упрочению промысла – в 1902 г. гончарством занималось всего 11 миропольских дворов [13, с. 210; 20, с. 56; 26, с. 172–174]. В схожей ситуации оказалось и кузнечество. Проникновение в деревню промышленных скобяных изделий повлияло на сокращение производства, а самим ремесленникам пришлось заняться отходничеством во внутренние районы Центрального Черноземья [17; 26, с. 170].

Перепись городского населения 1904 г. не упоминает ткачей, тогда как еще двадцать лет назад имевший давние традиции ткацкий промысел в Мирополье имел крепкую основу и давние традиции. В середине 1880-х годов им в слободах Пенянка и Студенок занимались 16 мастериц, которые сбывали свою продукцию как на местных ярмарках и базарах, так и прасолам из Сумского уезда. Основным видом продукции были рушники, ткавшиеся из хлопчатобумажной материи. За 12 часов работы одна женщина могла выткать до 1,5 аршина материи; ее средний дневной заработок составлял 13 коп. В начале XX в., предположительно, ткачество окончательно приобрело домашний характер, не выдерживая конкуренцию с фабричными производителями. Тем не менее, несмотря на малоперспективность данной отрасли, в 1910-х годах Суджанское земство все же осуществило попытку ее возрождения – в Мирополье разместилось отделение Суджанской школы ткачества с учебной коверной мастерской [26, с. 153–154; 33, с. 78–79]. Это начинание, однако, не привело к весомому результату из-за начавшейся Великой войны.

Судя по переписи 1904 года, к этому времени в Мирополье совершенно исчезло колесное производство, которым еще в 1880-х годах было занято несколько дворов. Земцами и тогда отмечалась тенденция сокращения количества колесников – следствие вырубки лесов, а также развития промысла в соседних регионах Курской губернии [26, с. 183, 187–188].

Совершенно иной характер в конце XIX – в начале XX вв. приобрело сапожное производство, сохранив статус ведущей отрасли ремесла. Более того, оно определило узнаваемость Мирополья в промышленном мире и служило своеобразным брендом заштатного города. Если применительно к 1880-м годам Н. Пономарев средоточием кожевенно-промышленного производства в Курской губернии называл исключительно Новооскольский уезд, то уже в справочной и экономической литературе конца XIX – начала XX вв. к «центрам сапожников-кустарей» причислялось и Мирополье [9, с. 350]. О динамичном развитии здесь сапожного промысла можно судить, прежде всего, по данным о количестве кустарей. Если в 1864 г. пошивом обуви занимались 187 чел. (мастеров, подмастерьев и учеников), то в 1885 г. всех сапожников насчитывалось уже 253 чел., в 1886 г. – 325, а в 1904 г. – около 1 тыс. или практически каждый десятый житель города (по переписи 1897 г. в Мирополье вместе с прилегающими слободами проживал 10101 чел.) [5, л. 103; 8, с. 274; 15, с. 57; 18, с. 257; 19, с. 43; 30, с. 42].

Миропольские сапожники изготавливали свою продукцию во внушительных промышленных масштабах. За 1885 г. ими было пошито 83860 пар сапог на сумму в 179810 руб. В 1890-х годах, по данным Р. Лаптева, миропольские сапожники изготавливали до 40 тыс. пар сапог в год, часть из которых поставлялась военному ведомству. А в 1910-е годы миропольцы шили уже более 100000 пар [15, с. 81; 30, с. 42].

Причину данных колебаний следует рассмотреть особо. Сокращение в течение последнего десятилетия XIX в. количества производимой обуви, казалось бы, парадоксально сочетается с ростом численности «чеботарей». На самом деле отмеченный спад количественных показателей обуславливался, прежде всего, повышением требований к качеству продукта. Если прежде мастер в день мог сшить до 4 пар сапог, то на рубеже веков в одиночку он делал пару в среднем за два дня. Посему годовая производительность труда одного взрослого рабочего доходила до пошива 200 пар. При условии совмещения промысла с земледелием данный показатель составлял не более 130. Однако если у сапожника имелся ученик (мальчик в возрасте от 12 лет), то производственные возможности отдельно взятого мастера, в таком случае, увеличивалась на 40–60 пар [20, с. 44].

Еще одним фактором, влиявшим на спад производства, была интервенция на всероссийском рынке продукции мастеров из Московской и Тверской губерний (кимрские, корчевские и дмитровские сапожники). Поэтому нередко реальное количество производимой миропольцами обуви было меньшим, чем указанные выше цифры и могло ограничиваться всего несколькими десятками пар.

Высокая конкуренция и дешевизна все увеличивающейся рабочей силы делали сапоги кустарей относительно недорогим промышленным продуктом. В 1890 г., например, их цена доходила до 4,3 руб. В 1900-е годы такса колебалась зависимо от сезона: осенью она доходила до 5 руб. за пару, а в Великий пост, когда крестьянин испытывал нужду, составляла всего 2,5 руб. Относительно невысокая стоимость обуви влияла и на скромные показатели заработков кустарей. В год рядовой сапожник зарабатывал не более 200 руб. [20, с. 44–45; 24, 247; 25, с. 325].

Требования рынка определили совершившиеся изменения в техническом вооружении сапожников, а также ассортименте и качестве продукта. Если прежде сапоги миропольцами шились из коровьей и конской кожи, то начиная с 1880-х годов – исключительно из коровьей. Значительная часть сырья ввозилась извне, особенно из Екатеринославской губернии, с переплатой для покупателя в 50 коп – 1 руб. Также кожи заказывались в Москве, Киеве и на ярмарках Полтавщины. В 1902 г. стоимость сырья для сапожников выглядела следующим образом: средняя коровья кожа – 5–6, средняя конская – 4–5, воловья – 9–12 руб. Выделка коровьей кожи обходилась в 70 коп., воловьей – в 1,4 руб. [20, с. 44].

Основными видами производимой обуви (по аналогии с ассортиментом сапожников соседнего Сумского уезда) были: «прикройные» («пидлепные»), «выворотные» и «вытяжные» («гвоздевые») сапоги, «моршни» (род туфель), а также женские черевички. В прикройных сапогах голенища пришивались к передкам, в выворотных подметка пришивалась к сапогу изнутри («під завидь»), после чего весь сапог смачивался водой и выворачивался наизнанку; вытяжные шились из целого куска. Прикройные изготавливались быстрее и стоили дешевле, потому и покупались, прежде всего, крестьянами [7, с. 52–53]. Качество таких сапог было несоразмерно хуже гвоздевых сапог. «Обыкновенно крестьянин, – отмечал Н. Пономарев, – купив подобные сапоги, прежде чем надеть их, берется... сам за шило и дратву и, можно сказать, вновь сшивает «по своему» купленную и ненадеванную еще обувь» [25, с. 322]. Подобное замечания относилось и к сапогам, шедшим прежде на продажу в Новороссию. «Сапог в Мирополье шился очень непрочно. В сущности сапог поступал на рынок лишь покроенным и сметанным, окончательно же дошивался местными сапожниками», – отмечалось в «Статистическом описании некоторых кустарных ремесел в Суджанском уезде» [20, с. 35]. Наконец, суровый приговор миропольским сапожным изделиям вынес и обозреватель кустарных промыслов Курской губернии Н. Добротворский: «Потребители знают, что носить сапоги михайловские и миропольские в том виде, как они выходят из мастерской производителя, решительно невозможно – «подметки растеряешь» [14, с. 79–80].

Неважное качество сапог пояснялось прежде всего материалом. «Выделка кож весьма плохая, ведется по устарелым приемам; – писал Н. Пономарев, – кожи не додубливаются и в силу этого являются весьма непрочным материалом. При расспросах, некоторые кожевники-кустари заявляли, что как ни выделывай кожу, скупщик не даст ни копейки больше; следовательно, нечего стараться и об улучшении изделия» [25, с. 322]. Шире эту мысль развернул Н. Добротворский. Помимо «неумения выделывать кожи» и низкой потребительской культуры на местном рынке («высоко ценится фасонистый покрой» в ущерб качеству), по его мнению, важным обстоятельством являлось отсутствие мотивации к пошиву крепкой обуви, как следствие наступления на местный рынок промышленной обуви и удешевления рабочей силы. «Провозишься за парой два-три дня, сделаешь ее по совести, а тебе дают ту же цену, – жаловались ремесленники уже не на скупщика, а на прямого потребителя, – какой же тут расчет стараться?», тогда как выворотных сапогов мастер с подмастерьем могли «шутя сработать» 2–4 пары в день или за полдня, если брались за «прочный» тип такой обуви. «Раз войдя в эту колею и приобретя себе реноме примерных кожевников и кройщиков, – заключал Н. Добротворский, – но весьма плохих сапожников, производители здешние волей-неволей должны держаться теперь традиционного, скороспелого и непрочного выворотного сапога, потому что, в противном случае, их ожидает

понижение заработка, который за последние годы и без того сильно понизился вследствие конкуренции тверяков и москвичей» [14, с. 81]. В результате, курский губстаткомитет в 1880-х годах отмечал недостаток хороших мастеров в губернии, неаккуратность в исполнении сроков заказов, а также невысокую добротность изделий [29, с. 19]. Таким образом, на усиление притока качественной обуви из центральных губерний местные мастера отвечали увеличением количества своего продукта с одновременным удешевлением его себестоимости. Низкая культура производства определялась техническим застоём отрасли, неспособностью местного кустаря-одиночки конкурировать с организованным на мануфактурных началах тверским или московским работником, отсутствием у миропольских владельцев мастерских капитала, достаточного для кооперации отдельных кустарей и налаживания фабричного производства. Поэтому когда подход к организации и содержанию труда сапожников изменился в лучшую сторону, это сразу же отразилось на положении промысла. Уже в 1890-х годах осуществлялась постепенная капитализация производства, улучшился отбор кожевенного материала на дальних рынках, происходило знакомство кустарей с новыми технологиями, улучшилось качество продукции (существенно сократился пошив выворотных сапог). Наконец, в следующем десятилетии обувь Курской губернии вновь завоевала себе признание – она отличалась высокой конкурентоспособностью и широко сбывалась купцами в южной части Европейской России [28, с. 129]. Качество марки миропольской обуви, устоявшееся в предреволюционный период сохранялось и в первые годы существования советской власти, чему, например, находим свидетельство в воспоминаниях бывшего начальника районной милиции в г. Мирополье С. Козюлькина: «Надо отметить, что выделанные на сапоги яловые голенища с головками были хорошего качества, хорошо выдывался и полувал для стелек, задников и т. п.», хотя изготовление «спиртовых подошв» в Мирополье так и не было налажено [6, л. 59].

В пореформенный период труд сапожника продолжал оставаться ручным. Обыкновенный реманент сапожников составляли следующие орудия: дубильный чан («кваснык»), зольник («шаплык»), в котором обрабатывались шкуры раствором гашеной извести, ступа для толчения дуба, сапожные «доски-кобылицы», «пильга» для фиксации кожи, «писачок» для отделки задников, штрихоль для очистки от шерсти, крючки, иглы, клещи и косы. Набор ручных инструментов в 1880-х годах скупался сапожником на 2–3,8 руб., кваснык и зольник – на 3–5 руб. соответственно. Через два десятилетия цены на инструментарий повысились: отныне ручные инструменты обходились сапожнику в 5 руб., а зольник на 100 кож – в 15 руб. Механические инструменты, как, например, швейная машина, стоили еще дороже и приобретались далеко не всеми. То же самое касалось и «конной ступы», стоимость которой могла достигать до 150 руб. [7, с. 47–48; 20, с. 44].

Необходимость увеличивать капиталовложения в производство и без того отягощали социальное положение ремесленников, попадавших в группу риска по ряду профессиональных заболеваний. Отсутствие необходимых санитарных условий и механизации производства, продолжительный рабочий день, нередко превышавший 12 часов (а у наемных рабочих доходивший и до 13–14 часов: «зимой и летом рабочие встают обыкновенно в 5–6 часов и забастовывают работу к 9–10 часам вечера; в течение дня для завтрака, обеда и ужина времени уходит от 1½ – 2 часов, да кроме того, рабочие пользуются еще одним часом отдыха») сказывались на состоянии здоровья сапожников. В частности, Н. Пономарев указывал, что в 1880-х годах особые помещения для выделки имелись только у зажиточных кустарей. Остальные нередко в мастерские превращали свои хаты, отравляя воздух «миазмами, положительно невыносимыми для непривычного человека» [14, с. 85; 25, с. 322]. Поскольку нередко в производство попадали кожи с палого скота, частыми среди кожевенников и сапожников оказывались случаи заражения, в т. ч. сибирской язвой. Распространение получили заболевания т. н. впалой груди (т. н. «грудь сапожника»), а также мигреней и геморроя.

Кустари Мирополя не представляли собой однородную социальную среду. Суджанское земство использовало в их отношении следующую классификацию согласно данным на 1902 г.: 1) сапожники, занимающиеся исключительно промыслом и немного земледелием (494 двора); 2) сапожники, занимающиеся помимо производства сапог еще и выделкой кож (234); 3) кожевенники, не выделывающие сапог (10); 4) «посадчики»

(в основном приезжие в Мирополье мещане из г. Ельца Орловской губернии), работающие по денно у сапожников на выделку кож (19) [21, с. 33]. В данной типологии отображена исключительно профессиональная дифференциация. Куда больший интерес представляет социальная стратификация кустарей, представленная в работе Н. Пономарева: 1) крупные предприниматели, использовавшие наемную рабочую силу и являвшиеся одновременно организаторами производства, скупщиками кож и готовых сапог; 2) мелкие производители, скупавшие кожи у поставщиков и работавшие самостоятельно на рынок (по подсчетам Н. Пономарева, «самая многочисленная категория кустарей»); 3) мелкие производители, работавшие на дому по заказу крупных предпринимателей; 4) крестьяне, трудившиеся по найму у предпринимателей и 5) ученики, обучавшиеся ремеслу на хозяйских харчах [25, с. 321]. Схожую классификацию составил Н. Добротворский: 1) «крупные хозяева-скупщики» (исследователь насчитал всего 7 таких человек во всей слободской части Курской губернии с капиталом до 10 тыс. руб.; на момент этого заключения в Мирополье не было ни одного из них); 2) «хозяева, имеющие более или менее значительные сапожные мастерские с наемными работниками и обладающие оборот-капиталом в 500–2000 руб. сер.» (основная экономически активная группа представителей сапожного промысла); 3) «производители, работающие по найму в чужих мастерских» (378 чел.); 4) «производители, работающие на крупных хозяев первой категории, из готового хозяйского [невыделанного] материала» (132 чел.); 5) «производители, работающие сдельно на хозяев второй категории, из хозяйского же [подготовленного] материала» (244 чел.); 6) «мелкие домашние производители, которые ведут производство самостоятельно, работая силами своих семей, из своего материала и при том прямо и непосредственно для рынка» (2952 чел.); 7) ученики (78 чел.) [14, с. 63–65]. Отличием этой классификации является выделение крупных скупщиков, которые в бытность исследования Н. Добротворского еще окончательно не исчезли, а также разделение по несущественным признакам кустарей по найму или договоренности 4 и 5 категорий. Важным в ней является подсчет состава каждой из групп, позволяющей удостовериться в живучести состава мелких производителей – наиболее стабильном социальном образовании, из которого рекрутировался как полупролетариат, так и мелкобуржуазная прослойка собственников мастерских. Семейный характер, наследственность и даже закрытость для чужаков сапожного промысла опосредовали малую численность учеников. Очевидно, процесс роста численности кустарей происходил, главным образом, за счет привлечения в дело новичков по родственным связям. Примечательным в этом отношении является наличие большого числа однофамильцев в различных обращениях кустарей к органам власти – Денищенок, Малецких, Петренок, Волковых, Поддубных и пр.

После создания земской сапожной мастерской образовалась еще одна группа кустарей – земские сапожники, не обладавшие собственностью на средства производства, но удовлетворяющихся частью условленного дохода по договору. Эта категория отличалась наличием определенных социальных гарантий, стабильным заработком, уверенностью в завтрашнем дне, что особо подчеркивалось представителями власти. В частности, курский губернатор Н. П. Муратов в 1913 г. отмечал, что из сельских сапожников, к коим он относил и миропольцев, наиболее обеспеченными являлись работающие в земских мастерских. Еще до образования мастерской предшествующая ей артель обеспечивала ее членов доходом до 3 руб. в неделю, что в 1,5–2 раза превышало прибыль индивидуального мастера. А с появлением названного предприятия ее работник мог заработать до 1,2 руб./день, что в годовом выражении при условии отсутствия простоя соответствовало доходу всего семейного подряда сапожников или даже более того, учитывая тот факт, что в свободное от основной работы время «земские» брались еще и за частные заказы [8, с. 389; 20, с. 21–23].

По своему классовому статусу «земские» сапожники вполне соответствовали определению наемных рабочих, что признавало и само земство: «В организации кустарных мастерских волей-неволей придется все ближе приближаться к фабричному устройству, т. е. к совместной работе с полным разделением труда». Соотносят к названной категории и такие признаки как начисление заработной платы, а не определение части прибыли, процедура принятия на работу или увольнения, дистанцирование рядовых работников от управления. Вместе с тем, в организацию производства закладывались артельные начала, невозможные для исключительно рыночного предприятия с его установкой на норму

прибыли и присвоение результата труда эксплуатируемой рабочей силы владельцем. «Главное отличие от частного предприятия должно состоять в принципе участия рабочих в прибылях операции в форме добровольного со стороны земства увеличения заработной платы», – подчеркивали суджанские земцы [20, с. 24]. Именно это обстоятельство позволяет «земских» определить как представителей пролетариата, но поставленного в особые, привилегированные по отношению к остальным наемным рабочим условиям (высокая оплата труда, нормированный рабочий день, наличие определенной самоорганизации производства). При этом и сам «эксплуататор» в лице П. Долгорукова и земской управы периода его каденции (1892–1902 гг.) в налаживании производства руководствовался не стремлением к прибыли, а желанием обеспечить достойную жизнь работников, поднять их технический, культурный и моральный уровень, а в перспективе даже предполагал «передать все дело в распоряжение кустарей». Хотя по ряду причин этого не произошло (отстранение П. Долгорукова от руководства управой, «правение» курса уездного земства после Первой русской революции, заинтересованность военного заказчика в компетентном в административном отношении поставщике, недоверие к организаторским способностям самих малограмотных кустарей), социальный эксперимент, поставленный в стенах Миропольской земской мастерской, продемонстрировал свою эффективность не только по результатам труда, но и в управленческом подходе, в самой организации труда, в мотивации прямых производителей. Не удивительно, что уже через два года после образования мастерской от желающих поступить в нее на службу просто «отбоя не было».

В пореформенный период новым явлением стало появление группы собственно наемных рабочих при частных мастерских. В 1902 г. таковых в Мирополье насчитывалось 81 чел.; по своему положению к ним приближались также ученики (133 чел.). Годовой взрослый рабочий получал на хозяйских харчах 60–80 руб. Однако наиболее распространенной формой оплаты была сдельная – 50 коп. за пару. Посадчики получали еще меньше – 20–40 коп. Плата ученикам составляла 10–30 руб. в год на хозяйском содержании; также каждый из них обеспечивался 1–2 парами сапог. При этом в обязанности батраков входило не только исполнение непосредственных профессиональных функций, но и помощь хозяевам по дому, в выделке кожи, стружке и пр. Примечательно и то, что оплата труда за двадцать лет, предшествующих данной оценке, фактически не выросла. По данным Н. Добротворского, годовая зарплата рабочих-мастеров в середине 1880-х годов в зависимости от типа сапог колебалась в пределах 45–80 руб., месячная – 6–10 руб., сдельная – от 10 до 50 коп. Отличительной чертой отрасли являлся двойная наемка – хозяин определял задачу работнику, который, в свою очередь, для рутинных и несложных операций нанимал из своей зарплаты помощников (перешивальнику платилось 3–8 коп. за пару). В таком случае рабочему приходилось жертвовать до 1/5 своего заработка, который по состоянию на 1880-е годы в таком случае снижался до среднего значения в менее чем 50 руб./год [14, с. 84–86, 92; 20, с. 42, 44].

Характерную категорию сапожников, которую предпочли не обособлять в отдельную группу ни Н. Пономарев, ни Н. Добротворский, составляли «бабы» – женщины, приловчившиеся заниматься «мужским», как традиционно считалось, занятием. По данным Н. Добротворского, некоторые кустарные хозяйства вообще находились исключительно в руках женщин. Но в большинстве случаев «жинкы» выполняли роль подсобных работников (чаще всего «перешивальников»). Та же тенденция сохранилась и в последующие годы, когда женщины привлекались к тачке сапог земской мастерской [14, с. 87; 19, с. 24].

Социальное расслоение сапожников объясняется, в первую очередь, реорганизацией кожевенно-сапожного дела в пореформенный период. Монополия подрядчиков, от которых прежде зависел успех производства, исчезла вместе с распространением железных дорог. Сапожники стали вполне независимыми производителями, а скупщики оказались вынужденными найти иное приложение своим капиталам. «Теперь организация такова, – разъяснял новые формы сапожного производства применительно к Курской губернии В. Ленин: – крупных предпринимателей около 120 чел.; они имеют мастерские с наемными рабочими и раздают работу на дома; мелких самостоятельных (которые однако закупают кожи у крупных) – до 3000 чел.; работающих на дому (на крупных хозяев) – 400 чел. и столько же наемных рабочих...» [16, с. 350]. Имущественная разница между этими группами отчетливо видна по размерам капиталов. Например, основные наличные средства

самостоятельных сапожников в конце XIX в. составляли в среднем 112 руб. У мелких кустарей, перебивающихся заказами, – до 10 руб. Зато у оборотистых ремесленников капитальные средства могли исчисляться тысячами [30, с. 41]. В Мирополье наиболее крупными такими предпринимателями являлись Криворотенко, Михальченко, Кацор, Поддубный и Суметов. Им принадлежали кожевенно-сапожные заводы с числом наемных рабочих более 10 чел. (при среднем количестве рабочих 3–6 чел. на «капиталистическую» мастерскую) [15, с. 103]. Чистый годовой доход таких предпринимателей доходил до 2 тыс. руб., в десять раз превышая, таким образом, прибыли рядовых мастеров. Зарботки последних, наоборот, сокращались ввиду роста конкуренции. Так, в конце 1880-х гг. подмастерья могли зарабатывать от 40 до 80 руб., а годовой доход рядового мастера не превышал 200–300 руб. [25, с. 323]. Те же цифры обнаруживаем относительно 1900-х годов. Если учесть инфляцию и рост стоимости жизни, станет ясным, что реальные доходы кустарей за 20 лет на порядок уменьшились. В целом, на рубеже XIX–XX вв. прослеживается тенденция к выделению крупных предпринимателей и пролетаризации значительного количества мелких производителей, чему немало способствовала не только недостаточность частной инициативы и предприимчивости, но также и архаичная организация производства большинства кустарей. В связи с этим любопытно и то обстоятельство, что невысокие заработки не позволяли многим кустарям полностью порвать связь с сельским хозяйством. Н. Добротворский хотя не разделял кустарей по факту связи с землей, тем не менее, увязывал его со стоимостью обуви: «Самая дорогая цена бывает летом, в особенности с июля месяца до половины сентября, потому что в это время сапожники *цельми массами* (выделено мной – Д. К.) уходят на косовицу, в южные губернии, или же рассыпаются по соседним экономиям, работая там поденно или помесечно» [14, с. 84–85]. Это важное дополнение дает представление не только о недостаточности заработка одним только сапожным мастерством, что подбивало городских кустарей к поиску дополнительного дохода на стороне, но и о сохранении ими связи со своим прежним аграрным миром, определенного земледельческого уклада и даже о вынужденном возврате к сельскому хозяйству после многолетнего ухода исключительно в ремесло.

Разумеется, «аграрность» кустарей негативно отражалась на техническом состоянии производства, согласовывалась с временной потерей прибыльности сапожной отрасли. Это подвигло часть ремесленников к поиску новых организационных форм промысла и к кооперации труда. В 1890 г. 80 сапожников «Запсельской части г. Мирополье» обратились в Суджанское уездную земскую управу с просьбой оказать им материальную (ссуду на год в размере до 2 тыс. руб.) и моральную поддержку. Ремесленники жаловались, что сапожный промысел приходит от года в год в упадок «благодаря недостатку у большинства наших доверителей денежных средств и отсутствию выгодных условий сбыта», что угрожало для них полным разорением. Надо полагать, что как земство, так и сами кустари сознавали назревшую необходимость внести упорядоченность в стихийно развивающийся промысел, поставить его на современную техническую и управленческую основу. «Устройство артельных кожевенных мастерских», вместе с развитием системы дешевого кредита, образованием товарно-сырьевых складов и закупок машин для толчения дубовой коры, в качестве ожидаемо эффективных мер по поддержке сапожного промысла еще в 1886 г. предлагал Н. Добротворский. Самым главным (и сложным) в этом деле он считал убедить кустарей в необходимости образования таких мастерских, «так как есть много причин, по которым можно сомневаться, чтобы кустари когда-нибудь сами взялись за это дело». Очевидно, подобная разъяснительная работа со стороны местной интеллигенции все же проводилась, поскольку она наконец нашла поддержку среди части кустарей.

Идя навстречу миропольцам, шефство над ними взял председатель уездной управы князь П. Долгоруков, обратившийся с ходатайством к военному ведомству относительно армейских заказов. Первоначальным капиталом для организации артельной работы кустарей стала сумма в 3 тыс. руб., занятая Суджанским земством у Курской губернской земской управы на три года без процентов. Со своей стороны управа потребовала установить наблюдение за ходом работ, устройством артели, а также учредить свое посредничество в вопросах принятия заказов и проведения расчетов. Первый военный заказ «в виде опыта» был оформлен в январе 1893 г. на 800 пар сапог из казенного материала по цене 1,40 руб. «за шитье пары с прикладом». С этой суммы на оплату труда одной «партии» (бригады

в составе трех человек) выделялось 45 коп. (20 коп. – мастеру, 15 коп. – подмастерью и 10 коп. – «подручнику»). Выполнением подряда занялась организованная мастером И. Денищенко группа из 30 мастеров. Хотя первая партия сапог была принята с большими сложностями, ввиду недовольства заказчиком относительно качества работы, в сентябре 1893 г. последовало заключение нового договора с Киевским окружным военно-интендантским управлением на пошив еще 800 пар сапог. Отбраковка, задержки поставки обеих партий привели к убытку, который был принят на себя уездным земством как поручителем. Причины этой неудачи, по мнению председателя земской управы П. Долгорукова, лежали в отсутствии правильного руководства артели, в рассеянности производства по отдельным хатам, из-за чего оказывалось сложным синхронизировать производственные процессы. Наконец, нареkanie встретил и алкоголизм, столь распространенный в среде сапожников [4, л. 2, 6, 9, 19; 14, 103–104; 20, с. 20–22].

Невзирая на негативный опыт, управа не отказалась от намерения помочь миропольским кустарям, но изменила подход к делу. Было принято решение организовать мастерскую, находящуюся в собственности земства по образу подобного предприятия в Новоскольском уезде. С целью ознакомления с постановкой дела сюда были откомандированы будущий управляющий миропольской мастерской П. Глуховцев и один мастер. На средства земства было нанято подходящее помещение, определено руководство – заведующий, смотритель и старший мастер, привлечены к работе наиболее нуждающиеся кустари. Работа в мастерской была организована по принципу мануфактуры с разделением труда (на 13 операций), что привело к значительному увеличению выработки. Агрегатов в цеху было немного – несколько швейных машин для пришивки ушков, вытяжная машина, штамповальная машина для вырезки подошв.

После того как удалось убедить военное ведомство в высоком качестве товара миропольцев, управа в 1896 г., стремясь прочно обеспечить производителям обуви госзаказ, заключила контракт с интендантством на 5 тыс. пар сапог. Вновь был взят кредит у губернского земства, на который в следующем году, наконец, была организована собственная земская мастерская и при ней кожевенный завод. Поскольку последний со временем прекратил выпуск продукции, местная кожа начала поступать с частного кожевенного завода бывшего земского стипендиата Селетренникова, устроенного в 1900 г. В 1898 г. на предприятии насчитывалось 120 работников, в 1904 г. – 185, а в 1912 г. здесь уже трудилось 232 чел. Вместе с численностью работников возрастали и производственные мощности мастерской. За один только 1899 г. сапожники земской мастерской пошили 15 тыс. пар солдатских сапог, 3500 пар госпитальных и 400 пар офицерских туфель для военного ведомства. Кроме того, кожевенный завод изготовил промышленной кожи на сумму 2154 руб. В 1900-е годы мастерская могла производить уже более 100 тыс. пар обуви, оформившись в крупное сапожное предприятие. Отказавшись от найма помещения, ставшее теперь тесным, земство в 1899 г. выкупило для мастерской просторное двухэтажное кирпичное здание с пошивочным цехом, а также отдельными дубильными и зольными помещениями и конторой. А в 1901 г. новые контракты и увеличение стоимости продукции позволили земству пристроить к нему новое здание. Земство также уделяло большое внимание техническому обновлению производства (постепенно увеличивалось количество швейных машин), использованию достижений науки в данной отрасли, привлечению специалистов для обучения и организации производства в мастерской (в частности, известного в России кустарного техника К. Стронского в 1899 г.). Ежедневный заработок на данном предприятии для мастера составлял максимум 1 руб. 20 коп., подмастерья – до 75 коп. и ученика – до 40 коп. [5, л. 103; 11, с. 129; 12, с. 203; 13, с. 211; 20, с. 5–6, 30].

В земскую мастерскую принимались, в первую очередь, те ремесленники, которые едва сводили концы с концами. Судя по отзывам земства, уже в первые годы существования предприятия благосостояние многих кустарей значительно улучшилось, «не говоря уже о некотором материальном их достоянии, выражающемся и в довольно опрятной одежде всех членов семьи работника». Более того, уверяла управа, «в молодежи заметна даже претензия на франтовство. В продовольствии, которое состояло у сапожников в первый год существования мастерской большей частью из одного хлеба, капусты и огурцов, – теперь же редко кому из рабочих не приносят на обед в скоромные дни мясных блюд, а в постные – рыбных (все это легко наблюдается, так как в мастерской заведено одно время, когда

рабочие обедают); мало того, у многих замечается, так сказать, подъем духа, сознание, что если он сегодня сыт, семья его не голодна и одета, то это его довольство может продолжаться, пока он будет работать в мастерской» [13, с. 206–207]. П. Долгоруков отмечал, что работники предприятия не только отличались примерным прилежанием (стремление не отставать от товарищей, изолированность от домашних хлопот), но и трезвостью («самым отчаянным алкоголикам деньги не выдавались на руки, а по книжкам получали расчет их жены») [20, с. 25].

Изначально определяя организацию мастерской как своего рода социальный эксперимент, Суджанская земская управа, находящаяся под влиянием либералов, большое значение придавало культурному развитию ее работников. Уже в первые годы ее существования внутренние стены заведения использовались с познавательной целью – на них висели картины на исторические и религиозные темы, а также плакаты по биологии и анатомии. А с устройством нового здания мастерская превратилась в настоящий культурный центр города. Здесь расположился миропольский комитет Общества попечительства о народной трезвости, чайная и читальня с библиотекой. Сюда же была проведена из Суджи телефонная линия (в 1904 г. в мастерской располагался единственный телефонный аппарат в городе) [5, л. 103]. Наконец, в 1902 г. при мастерской была организована любительская труппа, поставившая в первый «театральный сезон» спектакли по пьесам Гоголя и Островского [20, с. 28, 34–35]. Зимой 1905–1906 гг. здесь также давали представления «любители» под руководством учителя Горнальской земской школы И. Крыщенко [1, с. 84–85]. К сожалению, сведений о ее репертуаре и зрительских симпатиях не сохранилось.

Заключение

Кустарные промыслы Мирополья в пореформенный период определяли ведущее направление экономической жизни города, который впервые в своей истории переставал быть исключительно аграрным по роду занятий жителей поселением. Масштабная перестройка центральной части города в камне, появление частных или административных усадеб с участием архитекторов, утверждение стационарной торговли, появление учебных заведений, наконец, существенное увеличение численности жителей (от 10528 чел. в 1885 г. до 13050 в 1908 г.) – следствие, в первую очередь, «смены профессии», пусть даже вынужденной для многих миропольцев. В результате, Мирополье вместе с прилегающими слободами превратилось в крупный центр ремесленного производства, интегрированный во всероссийский рынок (сбыт сапогов в Украине, на Кавказе, на Дону; гребней – в Центрально-черноземном районе; волока – в Курской и Харьковской губерниях и т. д.).

Ведущим звеном кустарного производства стал сапожный промысел, который обрел «второе дыхание» с появлением земской мастерской, поспособствовавшей техническому и технологическому перевооружению промысла, образованию чисто капиталистических предприятий, дальнейшему возрастанию численности кустарей. Изменялись в лучшую сторону культура и быт сапожников, выросла численность городского населения. Сапожные мастерские задавали тон жизни всего города. К сожалению, ни в царское время, ни в советскую эпоху сапожное производство так и не обрело фабричную организацию. Отсутствие железной дороги, лишение Мирополья городского статуса, исключение его из планов индустриализации повлияли на постепенно угасание сапожного промысла и, в конечном итоге, обеспечили его полную утрату. На сегодняшний день традиции «чеботарства» не только не сохранились, но и сама память о них оказалась практически стертой. Еще в 1980 г. наследственный сапожник, заведующий обувной мастерской Миропольского быткомбината В. Петренко жаловался, что остался фактически единственным на всю округу специалистом, что ему решительно некому передать опыт [22]. На сегодняшний день актуализация славного ремесленного прошлого Мирополья во многом может поспособствовать если не возрождению отдельных промыслов (в условиях растущей безработицы они могли бы обеспечить как появление линии эксклюзивной продукции, так и повлиять на занятость населения), то развитию сельского зеленого туризма, для которого данный населенный пункт обладает всеми возможностями.

Примечания

1. Бугров Ю. А., Бордунова А. А., Симонян Р. З. Свет курских рамп. Очерки истории театральной культуры Курского края. – Курск: Славянка, 2009. 123 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба: [в 17 т.]. Т. 13. Ч. 3: Курская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1850. 286 с., разд. паг.
3. Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1886. 233 с.
4. Государственный архив Курской губернии (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4413. 22 л.
5. ГАКО. Ф. 4, Оп. 1. Д. 144. 120 л.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. 3532. Оп. 2. Д. 320. 83 л.
7. Ефименко П. Кустарные, отхожие и некоторые сельские промыслы в Сумском уезде. Харьков: Харьк. губ. земство, 1882. 111 с. (Труды Комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии; Вып. 1).
8. Из истории Курского края: Сборник документов и материалов / Сост.: Ф. Ф. Лаппо и др. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1965. 406 с.
9. Калининченко Ф. П., Петров Г. Т., Токарев П. П. Мирополье // История городов и сел Украинской ССР в двадцати шести томах: Сумская область. К.: Институт истории Академии наук УССР, 1980. С. 314–323.
10. Кудинов Д. В. Заштатный город Мирополье середины XIX века: историко-статистические заметки // Gardarika. Международный научный журнал. 2014. № 1. С. 26–36.
11. Кудинов Д. В. Мирополье: Исторический очерк. Сумы: ООО «Печатный дом «Папирус», 2012 г. 268 с.
12. Кудинов Д. В. Сапожный промысел города Мирополье в пореформенный период // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник статей и материалов / ред.-сост. А. И. Раздорский; редкол.: В. А. Кудинов (пред.) [и др.]. Курск: КурГУ, 2015. С. 197–205.
13. Курский сборник, с путеводителем по городу Курску и планом города / Под ред. Н. И. Златоверховникова. Курск: Курский губ. стат. ком., 1902. Вып. 3: Материалы по этнографии Курской губернии. [2], XII, [2], 69, 123 с.
14. Кустарные промыслы Курской губернии. Курск: Тип. Губ. земства, 1886. Вып. II. 254 с.
15. Лаптев Р. А. История кожевенно-обувной отрасли российской индустрии: конец XVIII – начало XX веков (на примере Курского региона): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2005. 176 с.
16. Ленин В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 583 с.
17. Литвинчук Н. В. Традиционное ремесленничество украинско-российского пограничья: некоторые аспекты изучения межэтнических контактов (по материалам этнографических исследований Сумской области) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXV междунар. науч.-практ. конф. 2014. № 3. Режим доступа: <http://sibac.info/conf/social/xxxv/37642>. Заголовок с экрана.
18. Мирополье // Географическо-статистический словарь Российской империи / [Сост.: П. Семенов, В. Зверинский, Л. Майков]. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1867. Т. III. С. 256–257.
19. Мирополье // Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. Ч. I. С. 42–43.
20. Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск: Тип. Кур. губ. земства, 1902. 56 с.
21. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск: Тип. губ. правл., 1860. 363 с.
22. Петренко В. Майстри перевелися / В. Петренко // Перемога. 1980. № 15. С. 3

23. Плаксин И. М. Торговля Курской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 1997. 154 с.
24. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885–1916. Т. 12: 1892: От № 8215–9216 и Дополнения. 1895. 1353 с. разд. паг., 37 л. ил.
25. Пономарев Н. В. Кустарные промыслы Курской и Киевской губерний. Исследования 1889–1890 гг. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1892. Т. I. С. 317–353.
26. Промыслы и вземзледельческие занятия крестьян Центрального района / Н. Добротворский. Курск: Тип. Губ. земства, 1885. 229 с.
27. Суджа: историческая справка. Режим доступа: <http://www.sudga.ru/showthread.php?t=367>. Заголовок с экрана.
28. Терещенко А. А. Города Центрального Черноземья и их население во второй половине XIX – начале XX века. Курск: КурГУ, 2009. 199 с.
29. Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX – начале XX веков (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 1999. 218 с.
30. Терещенко А. А. Торговля и ремесло в городах Центрально-Черноземного региона во второй половине XIX – начале XX века. Курск, 2006. 60 с.
31. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и хронологии из «Татарской истории» Баядур-Хана, «Российской истории» князя Щербатова, «Начертания Европейской истории» Готфрида Ахенвалля и «Политической истории» Самуила Пуффендорфа. М.: Компания типографическая, 1788. 170 с.
32. Труды местных сельскохозяйственных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Курская губерния. СПб.: Народная польза, 1903. 875 с.
33. Федотова Н. А. Ткацкие промыслы Курской губернии в 1903–1915 гг. (по материалам документов Государственного архива Курской области) // Научные дискуссии о ценности современного общества. Сборник материалов III-й международной научно-практической конференции (г. Липецк, 29 ноября 2013 г.) / Отв. ред. Е. М. Мосолова. Липецк: «РаДуши», 2013. С. 70–85.
34. Центральный государственный архив Украины в г. Киеве. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 3. 45 л.

References

1. Bugrov Yu. A., Bordunova A. A., Simonyan R. Z. Svet kurskikh ramp. Ocherki istorii teatral'noy kultury Kurskogo kraya. – Kursk: Slavyanka, 2009. 123 s.
2. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. Izdavaemoe po vysochayshemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba: [v 17 t.]. Т. 13. Ч. 3: Kurskaya guberniya. SPb.: Tip. Departamenta General'nogo shtaba, 1850. 286 s., razd. pag.
3. Vorontsov V. P. Ocherki kustarnoy promyshlennosti v Rossii. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1886. 233 s.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy gubernii (GAKO). F. 1. Op. 1. D. 4413. 22 l.
5. GAKO. F. 4, Op. 1. D. 144. 120 l.
6. Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoy oblasti. F. 3532. Op. 2. D. 320. 83 l.
7. Efimenko P. Kustarnye, otkhozhie i nekotorye sel'skie promysly v Sumskom uезде. Khar'kov: Khar'k. gub. zemstvo, 1882. 111 s. (Trudy Komissii po issledovaniyu kustarnikh promyslov Khar'kovskoy gubernii; Vyp. 1).
8. Iz istorii Kurskogo kraya: Sbornik dokumentov i materialov / Sost.: F. F. Lappo i dr. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 406 s.
9. Kalinichenko F. P., Petrov G. T., Tokarev P. P. Miropol'e // Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR v dvadtsati shesti tomakh: Sumskaya oblast'. K.: Institut istorii Akademii nauk USSR, 1980. S. 314–323.
10. Kudinov D. V. Zashatnyy gorod Miropol'e serediny XIX veka: istoriko-statisticheskie zametki // Gardarika. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal. 2014. № 1. S. 26–36.

11. Kudinov D. V. Miropol'e: Istoricheskiy ocherk. Sumy: OOO «Pechatnyy dom «Papyrus», 2012 g. 268 s.
12. Kudinov D. V. Sapozhnyy promysel goroda Miropol'e v poreformenny period // Sudzha i sudzhane v otechestvennoy i zarubezhnoy istorii i kul'ture: sbornik statey i materialov / red.-sost. A. I. Razdorskiy; redkol.: V. A. Kudinov (pred.) [i dr.]. Kursk: KurGU, 2015. S. 197–205.
13. Kurskiy sbornik, s putevoditelem po gorodu Kursku i planom goroda / Pod red. N. I. Zlatoverkhovnikova. Kursk: Kurskiy gub. stat. kom., 1902. Vyp. 3: Materialy po etnografii Kurskoy gubernii. [2], XII, [2], 69, 123 c.
14. Kustarnye promysly Kurskoy gubernii. Kursk: Tip. Gub. zemstva, 1886. Vyp. II. 254 s.
15. Laptev R. A. Istoriya kozhevenno- obuvnoy otrasli rossiyskoy industrii: konets XVIII – nachalo KhKh vekov (na primere Kurskogo regiona): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 2005. 176 s.
16. Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii: Protsess obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoy promyshlennosti. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947. 583 s.
17. Litvinchuk N. V. Traditsionnoe remeslennichestvo ukrainsko-rossiyskogo pogranich'ya: nekotorye aspekty izucheniya mezhetnicheskikh kontaktov (po materialam etnograficheskikh issledovaniy Sumskoy oblasti) // Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: sb. st. po mater. XXXV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2014. № 3. Rezhim dostupa: <http://sibac.info/conf/social/xxxv/37642>. Zagolovok s ekrana.
18. Miropol'e // Geograficheskoe-statisticheskoy slovar' Rossiyskoy imperii / [Sost.: P. Semenov, V. Zverinskiy, L. Maykov]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1867. T. III. S. 256–257.
19. Miropol'e // Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskikh poseleniy Evropeyskoy Rossii v 1861–62 g. SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1863. Ch. I. S. 42–43.
20. Ocherk deyatel'nosti Sudzhanskogo uezdnogo zemstva po razvitiyu kustarnykh promyslov i opisanie nekotorykh iz nikh. Kursk: Tip. Kur. gub. zemstva, 1902. 56 s.
21. Pamyatnaya knizhka Kurskoy gubernii na 1860 god. Kursk: Tip. gub. pravl., 1860. 363 s.
22. Petrenko V. Maystri perevelisya / V. Petrenko // Peremoga. 1980. № 15. S. 3
23. Plaksin I. M. Torgovlya Kurskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 1997. 154 s.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie 3-e: v 33 t. SPb.: Gos. tip., 1885–1916. T. 12: 1892: Ot № 8215–9216 i Dopolneniya. 1895. 1353 s. razd. pag., 37 l. il.
25. Ponomarev N. V. Kustarnye promysly Kurskoy i Kievskoy guberniy. Issledovaniya 1889–1890 gg. // Otchety i issledovaniya po kustarnoy promyshlennosti v Rossii. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1892. T. I. S. 317–353.
26. Promysly i vnezemledel'cheskie zanyatiya krest'yan Tsentral'nogo rayona / N. Dobrotvorskiy. Kursk: Tip. Gub. zemstva, 1885. 229 s.
27. Sudzha: istoricheskaya spravka. Rezhim dostupa: <http://www.sudga.ru/showthread.php?t=367>. Zagolovok s ekrana.
28. Tereshchenko A. A. Goroda Tsentral'nogo Chernozem'ya i ikh naselenie vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka. Kursk: KurGU, 2009. 199 s.
29. Tereshchenko A. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie provintsial'nogo goroda v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachale XX vekov (na primere Kurskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 1999. 218 s.
30. Tereshchenko A. A. Torgovlya i remeslo v gorodakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka. Kursk, 2006. 60 s.
31. Topograficheskoe opisanie Khar'kovskogo namestnichestva s istoricheskim preduvedomleniem o byvshikh v sey strane s drevnykh vremen peremenakh, vzyatym k ob'yasneniyu deyaniy i khronologii iz «Tatarskoy istorii» Bayadur-Khana, «Rossiyskoy istorii» knyazya Shcherbatova, «Nachertaniya Evropeyskoy istorii» Gotfrida Akhenvallya i «Politicheskoy istorii» Samuila Puffendorfa. M.: Kompaniya tipograficheskaya, 1788. 170 s.
32. Trudy mestnykh sel'skokhozyaystvennykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Kurskaya guberniya. SPb.: Narodnaya pol'za, 1903. 875 s.
33. Fedotova N. A. Tkatskie promysly Kurskoy gubernii v 1903–1915 gg. (po materialam dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti) // Nauchnye diskussii o tsennosti sovremennogo obshchestva. Sbornik materialov III-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy

konferentsii (g. Lipetsk, 29 noyabrya 2013 g.) / Otv. red. E. M. Mosolova. Lipetsk: «RaDushi», 2013. S. 70–85.

34. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Ukrainy v g. Kieve. F. 1640. Op. 1. D. 3. 45 l.

УДК 908(477.52):(334.712+334.713)

Кустарные промыслы жителей г. Мирополье Курской губернии во второй половине XIX – в начале XX вв.

Дмитрий Валерьевич Кудинов

Сумский областной институт последипломного педагогического образования, Украина

40070, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 5

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию основе экономики заштатного города Мирополье в пореформенный период – кустарным промыслам. Подчеркивается их значение в жизни граждан вследствие упадка сельского хозяйства, вызванного малоземельем, и увеличением потребительской активностью Курской и Харьковской губерний. Особенности динамики ремесленного производства определены количественными и качественными изменениями в его организации и характера. Особое внимание уделяется сапожному промыслу – ведущей отрасли ремесла города. Автор подчеркивает выдающуюся роль председателя Суджанской уездной земской управы князя Петра Долгорукова в создании сапожной мастерской, в улучшении материального положения, здоровья и быта ее работников.

Ключевые слова: кустарные промыслы, ремесленник, мастерская, кожевенный, сапожный, гончарный, ткацкий промыслы.